

В. И. КОСТЫЛЕВ

Иван Грозный <Фрагменты>

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Москва в походе

<...>

VII

День двадцатого июня был приемным днем царя.

В Большой палате, на скамьях, полукругом у стен тихо сидели бояре, думные и ближние люди, окольниковы, стольники, стряпчие и многие приближенные царем к своей особе; дворяне сидели рядами в прилегавших к палате покоях. Бояре в богатых златотканых одеждах и высоких горлатных шапках. Все сидели неподвижно, храня глубокое почтительное молчание. Никто не приветствовал входивших в палату гостей.

Около царя стояли рынды¹ в белоснежных шелковых кафтанах.

Полы приемной палаты были устланы дорогими узорчатыми коврами.

Царь Иван сидел в широком вызолоченном кресле. На нем была бархатная, обшитая парчой, желтая одежда, униженная множеством золотых блях и драгоценных камней. На голове у него золотая корона, осыпанная алмазами и жемчугом. Перстни с бриллиантами покрывали его пальцы. В правой руке он держал золотой массивный скипетр с двуглавым орлом.

Царь принимал прибывших через Швецию шотландцев. Они с отменной ловкостью отвесили поклон, размашисто салютая свои-

ми широкополыми в перьях шляпами. Старший вышел вперед, заявил, что шотландцы — народ испытанный, воинственный, готовый служить каждому христианскому государю. Они докажут это, если его величеству угодно будет взять их на государеву службу. Они могут быть воинами, размыслами² и мастерами пушечного дела.

Иван внимательно выслушал витиеватую почтительную речь и приветливой улыбкой ответил на поклоны рослых, курчавых шотландцев. По его лицу видно было, что ему нравится воинская выправка заморских гостей. Особое внимание уделил он старшему из них. Когда тот закончил свою речь, царь Иван приказал толмачу узнать его имя.

— Джонни Лингетт*, — ответил тот, с достоинством откинув голову.

Это был широкоплечий детина, голубоглазый, с большим прямым носом и маленьким женским ртом. На верхней губе чуть-чуть виден пушок. Взгляд простодушный, — слегка наивный.

Царь Иван с любопытством всматривался в лицо бравого шотландца. Потом сказал толмачу:

— Спроси, как же так можно, чтобы честный воин служил каждому государю? Мои воины служат только одному государю — мне. И не почтут ли они то изменой?!

Толмач перевел шотландцу вопрос царя.

Джонни Лингетт, весело улыбаясь, переглянулся со своими товарищами, а затем с легким поклоном ответил:

— Не «каждому государю», но только христианскому.

Иван Васильевич усмехнулся.

— Толмач, скажи ему: христианские государи проливают кровь христианскую же, и не менее, нежели мусульмане и язычники... И не христианский ли король Франции вошел в союз с Солейманом, называющим христиан «собаками»? Веры разные — меч один и тот против христиан.

Выслушав толмача, шотландцы стали в тупик: что ответить? Смутились.

Царь нахмурился.

— Ну?! — нетерпеливо постучал он посохом об пол.

— Мы уже давно не были на родине... Мы не знаем ничего о Европе, — ответил юноша, покраснев.

* Вымышленный персонаж. — Прим. составителей.

Царь покачал головой, а затем подробно расспросил их, кто к чему привычен.

Бояре с трудом сдерживали зевоту. Расспросы царя утомили их. Михаил Репнин кусал губы, щипал себя, чтобы побороть дремоту. Ростовский думал о не состоявшейся сегодня, вследствие царева приемного дня, медвежьей охоте. У Курлятева болели зубы, он усердно приглаживал языком болезненное место десны, еле-еле сдерживаясь, чтобы не застонать. Самое утомительное было для бояр присутствовать при приемах Иваном Васильевичем иностранцев. Им казалось это пустою забавою «молодого, честолюбивого венценосца».

Царь завел речь об изобретенных в Италии двадцать лет назад пушках-фальконетах, именуемых в Москве «волконейками», или «соколами». Ему хотелось знать: какие дальнобойные пушки шести-семи фунтов имеются за границей, чтобы можно было такие пушки возить на спине коня, при себе?

Толмач не успевал переводить вопросы царя, чем вызвал его неудовольствие. Велено было позвать другого толмача. Они стали вдвоем осыпать вопросами шотландцев, оказавшихся людьми сведущими в пушечном деле. Они охотно поведали царю о новых пушках, какие им приходилось видеть в других странах. Особенно заинтересовался царь рассказом их о кожаных пушках, которые изобретены в Швеции. Крепкая медная ствольная обволакивается кожей; можно стрелять двумя либо тремя ядрами сразу.

Шотландцы, по требованию царя, нарисовали на бумаге углем устройство этой пушки.

Царь поблагодарил и велел Адашеву принять их на государеву службу, милостиво протянув свою руку, которую поочередно и облобызали шотландцы.

По уходе шотландцев царь долго рассматривал нарисованное ими на бумаге. Вздохнул, покачал головою и убрал чертеж в карман.

На смену шотландцам с шумом, с сабельным звоном явились атаманы казаков: донских, гребенских, терских, волжских и яицких. Были вызваны они царем для беседы о предстоящем походе.

В пестрых одеждах, в широких шароварах, подпоясанные зелеными и красными кушаками, с кривыми турецкими саблями и ятаганами на боку, усатые, чубатые, вошли они в палату. Во дворец никому не дозволялось являться с оружием. Казакам царь это разрешил.

— Бьем челом, великий государь!.. — громко сказал любимец царя атаман Павел Заболоцкий*. Он высоко поднял правую руку, в которой держал громадную косматую шапку. Оглянулся, крикнул товарищам: «Гей!»

Казаки низко поклонились, звеня цепочками, четками и оружием.

Чубатые, седоусые атаманы с лукавой усмешкой из-под сумрачно нависших бровей осмотрели неподвижно сидевших на скамьях бояр.

Царь Иван поднялся со своего места (с шотландцами беседовал сидя) и тоже низко поклонился казакам.

— Здоровы ли, атаманы?

— Живем, великий государь, и Богу за тебя молимся, — бойко ответил Заболоцкий.

Снова общий поклон.

«Разбойники, чистые разбойники! — думал Михаил Репнин. — Душегубы! С нами никогда царь не бывает так ласков, как с этими бродягами!» Сильвестр, вскинув очи к небу, вздыхал, что заметили многие из придворных. Адашев глядел с надменностью на толпу атаманов. Зато веселые, задорные улыбки появились у дворян, и особенно выделялось лицо Василия Грязного. Неожиданно встретившись взглядом с ним, Михаил Репнин побагровел, насупился. «Сволочь! Пес!» — мысленно обругал он Грязного.

Коренастый, широкоплечий атаман Заболоцкий — старый рубака. На его красном черноусом лице следы сабельных ран. В темно-синем казацком кобеняке, опушенном бобром, в малиновых суконных штанах и сафьяновых сапогах с золотыми украшениями, он выделялся богатством своей одежды среди других атаманов. Его руки сверкали от множества дорогих перстней. У пояса кривая турецкая сабля в бархатных малиновых ножнах с позолотой.

— Великий государь! — громко произнес Заболоцкий. — Казацкие сотни у берегов Дона, Волги, Яика, Терека и с Гребня бьют тебе челом служить верно! Наслышаны мы о хотении твоём, государь наш, Иван Васильевич, видеть нас и слово царское молвить нам. Великая радость от сего в казацких станицах... Буди к нам милостив, великий царь! А мы не забудем добро твое.

* Возможно, прототипом для этого персонажа стал Павел Петрович Заболоцкий — в годы Ливонской войны воевода в Ивангороде, Орешке, Ракоборе, Лаюсе и Вильяне. — *Прим. составитель.*

Поклонился царю Заболоцкий, а вместе с ним еще и еще сделали низкие поклоны и все другие его товарищи.

— Храбрые атаманы! — воскликнул царь с воодушевлением. — Господарь Молдавский Стефан сказал про моего деда: «Он дома сидит и спит, а владения свои увеличил; а я, ежедневно сражаясь, едва могу защитить свои пределы». Наши соседи, ливонские немцы, почитали и нас спящими... Десятки лет не платят долга и к тому же — пытаются загородить от нас моря и иные царства. Обманывали немцы моего, блаженной памяти, родителя, великого князя Василия, а ныне обманывают и меня. Немцы не одни. Врагов у нашего царства немало. На них-то и понадеялись немецкие вельможи... Надо ли нам терпеть?! Ужели кони наши охромели, сабли заржавели, копья пригупились? Ужели мы не пойдем на защиту поруганных наших святых церквей и в тишости склоним головы перед бешеными псами? Казаки! Единой веры мы с вами, единой крови — к кому прилепиться? Не слушайте краснословцев, осуждающих распрю с Ливонией... Наш гнев — гнев Божий!.. Вседержителю угодно, чтоб наказал я лютерских еретиков проклятых, захвативших в древности земли наших предков... и надругавшихся над нашими людьми... Мне ведомо, что славный казацкий вождь Дмитрий Иванович Вишневецкий зовет казаков воевать с Крымом, с нехристями-мусульманами... Но от казаков не уйдет... Победив немцев, прилепившись к морю, мы сделаем себя еще более сильными! И крымские нападатели не устоят в те поры перед нами. И коли казачество будет прямить нам и пойдет на Ливонию заодно с Москвой, то и царь добротство ваше пожалует и дела ваши незабвенны станут. Казачество же, со славою, помощью Божией и царской, поразит врагов своих и на востоке, и на юге, и на западе... Ныне, ради победы над немцами, да будет наш союз и дружба нерушимы!..

Последние слова царь громко сказал на всю палату. У некоторых казаков выступили слезы.

Заболоцкий поднял руку; застыли поднятые руки и над головами остальных атаманов.

— Клянемся, батюшка-царь!.. Клянемся служить правдою!

Палата содрогнулась от мощного восклицания казацких начальников.

Царь стоял довольный, раздумявшийся, кланяясь с ласковой улыбкой. Глаза его восхищенно смотрели на казаков, которые, низко поклонившись, выходили из палаты походкой степенных всадников, переваливаясь, на носках.

...Позднее, в «меньшей» палате, где хранились итальянские, латинские и немецкие книги и шуточные сказки доминиканцев, царь Иван принимал людей порубежного бережения и засечной стражи³ с южных окраин.

Сопровождал порубежников знатный боярин, третий местом в Боярской думе, один из любимцев царя, князь Михаил Иванович Воротынский.

Вошедшие долго молились на иконы. Перед каждым образом горели лампы. Пахло маслом и церковными благовониями. Палата была небольшая, уютная, убранная коврами и шелковыми тканями.

Иван Васильевич сидел в кожаном кресле. Он был в добром расположении духа. Распахнув кафтан, надетый на голубую шелковую рубаху, неторопливо посматривал он на ратников. Лицо его было приветливым, глаза искрились добродушием.

Помолившись, порубежники низко, до земли, поклонились государю. Воротынский назвал каждого по имени и рассказал, из какой кто окраины.

Внимательно выслушал царь боярина, оглядывая каждого ратника с головы до ног.

— Господу Богу угодно, дабы позаботились мы об украинной дозорной страже, — сказал царь, выслушав Воротынского.

Царь объявил, что отныне настало такое время, когда родине отовсюду грозят враги. И назвал он немцев, Литву, крымцев, ногайцев, шведов, османов.

— Берега нашего царства велики и плохо оборонены. Дед мой, Иван Васильевич, да и отец мой, Василий Иванович, немало порадили бережению нашей земли. И мне надлежит беречь и землю и народ наш по мере сил моих и милосердия всемилостивого Господа Бога. Иван, великий дед мой, многожды посылал слуг в иноземные крулевства добывать розмыслов, стенных, башенных и палатных мастеров... И крепости ими сложены устойчивые и для боев пригожие. Но засеки и до сих дней немногую согреты ласкою государей. Почли нужным мы послать на засеки розмыслов, кои укрепят их прочною защитой. Засечную стражу надобно оснастить нарядом и всякою иною утварью, а людей одеть и одарить конями и милостию нашу украсить. Храните рубежи царства пуще глаза, будьте усто-рожливы, бдите ежечасно, дабы враг не вторгнулся в засеку! В недолгом времени прикажу я Разряду созвать боярских детей с украин, станичных голов и старшин казацких, и всех людей сторожевых,

засечных начальных в престольный град Москву... На общем соборе рассудим мы, с Божьей помощью, как то сделать, чтобы чужестранцы на государевы украинны войною безвестно не приходили, а станичники были бы сильнее и усторожливее, нежели то было до сей поры... И из нашей земли без царевых грамот никого не пускать. Учиним мы тем собором приговор о станичной и сторожевой службе, какою она должна быть... Передайте о моем царском слове своим товарищам по всем путям...

Царь тут же приказал Воротынскому разъяснить порубежникам, пока, до боярского приговора, как они должны охранять землю.

Воротынский строгим голосом объявил, чтобы сторожа на условленных местах стояли, «с коня не сседая», разъезжали бы по два человека направо и налево. Где и как сторожить, укажут ближние воеводы. Огни разводить не в одном месте: если кашу сварить, в другой раз уж готовь пищу в ином месте. В одном и том же месте огня разводить не след. И там, где полднели, не ночевать, а где ночевали — не полднели. В лесах не ставиться. Стоять там, откуда было бы хорошо видно окрестности на далекое расстояние. Увидев врагов, отсылать гонцов в ближайшие города. И если будут такие сторожа, которые, «не дождавсь себе отмены», уедут с своего поста, и «в те поры от воинских людей государевым украинам учинится война, — тем сторожам от государя царя и великого князя быти казненными смертью. А тем сторожам, что лишнее простоят, не получив смены, платить по полтине в день на человека».

Еще строже Воротынский сказал о том, что «если станичников или сторожей воеводы или головы кого пошлют дозировать на урочищах и на сторожах⁴ и если узнается, что они стоят небрежно и неусторожливо и до урочищ не доезжают — хотя прихода воинских людей и не будет, то все же тех станичников и сторожей за то бить кнутом».

Долго объяснял Воротынский, как должна вестись сторожевая служба на рубежах. Все засечные головы и их товарищи слушали молча, тихо, ловя каждое слово боярина и робко, искоса поглядывая на царя, который сидел в кресле, опершись головою на руку. Он не глядел ни на кого, погружившись в раздумье. Лицо его стало хмурым. Вдруг он быстро поднялся, перебив Воротынского:

— Михаил Иванович! Накажи воеводам настрого, чтобы лошади у сторожей были добрые, на которых бы, увидев врага, можно было ускакать. Худых коней на засеки не отпускать. Не исполнят того, — ляжет на них гнев государев... Отпиши!

Все, что сказал станичникам Воротынский, — все это давно обречено царем, и не раз, с ближними боярами и воеводами.

— Яви свою ревность в деле, и я поставлю тебя хозяином рубежей... Великую честь и великую власть ты приемлешь, — сказал царь Воротынскому.

Отпустив станичных голов и всех других станичников, царь Иван остался наедине с боярином.

— Тебя я не ставлю в ряду с иными. Ты тверд нравом и не ищешь того, чего не заслужил; родовитостью не кичишься и своей доблестью не превозносишься, как иные, даже самые ничтожные... Ты все требуешь от себя, а не как другие, требующие все от своего государя. Но нет в мире владыки, который бы во всем мог осчастливить человека...

— Полно, отец наш, батюшка-государь!.. — низко поклонился князь. — Мы ли, рабы твои, тобою не осчастливлены?

— И хотел сказать я тебе еще: согревай своею заботою малых сил, боярских детей и дворян. Они юны. У них долгий путь к славе, и на этом пути многое могут сотворить они в пользу государства. С Курбским ты не ладишь... Знаю. Одначе Андрей Михайлович мужественный воин. И не всуе возведен мною князь в сан боярина. И на луговую черемису ходил он тем годом, и в Дикое поле выступал под Калугу, ожидая там крымцев, и в Кашире был... Почетом немалым он уважен в войске... Нельзя государю того не видеть. Верю, что и ты не отстаешь от него и явишь на рубежах усердие не меньшее. Будь прямым, как был, а на милость мою полагайся... Ты, да князь Иван Федорович Мстиславский, да еще есть у меня из бояр, прежде и ныне родством славных и службою царю верных. Места ближние в Думе крепки за ними...

Воротынский еще раз низко поклонился царю. Он был невысок ростом, широк в плечах, крепок; в сабельном бою равных себе не имел. Темные кольца волос непослушно сбивались на лоб.

— Поки глаголю: не гнушайся малых людишек, худородных, незнатных. На рубежах они будут служить правдою, а мы не забудем их. Многие холопы мои не могут обуздать свои гордые помыслы и безрассудное хотение — не будь таким!

Царь положил руку на плечо Воротынскому.

— Появился на нашем дворе беглый мужик из нижегородских пределов. Простил я его за тихость и ревность к правде. Он послан к тебе. Гони его на ливонский рубеж. Поди, там ныне весело! А скоро будет и того веселее... Не соскучится!

Царь тихо рассмеялся.

— Не унимаются ливонские князи... Просят мира, а сами нападают. Церкви, бишь, все наши разрушили в Риге, Юрьеве и Ревеле. Бьют моих купцов, хватают в полон наших девок, секут головы моим людям... Иноземных гостей к нам не пускают. Сатана ум им помрачил. Ливонские земли — извечно русские. О том мои дьяки и воеводы не раз отписывали магистру. И послы его приезжали к нам. Но дани, что требуем, до сих дней так я и не вижу от немцев. Подождем еще, потерпим. Терпение — великий дар!..

Немного подумав, он с шутливой улыбкой спросил:

— Скажи мне, князь Михайло, обладаю ли я тем даром?

— Не холопу судить о своем господине, великий государь! — смущенно развел руками Воротынский.

— Ну, добро! Како мыслишь о походе, что задумали мы?

— По вся места моя сабля прольет кровь твоих врагов, государь.

Иван молчал. Видно было, что ответ Воротынского не вполне удовлетворяет его.

— Ливония или Крым? — настойчиво спросил он.

— Ливония! — ответил князь.

Оба несколько мгновений смотрели друг другу в глаза. Воротынский спокойно и смело. Царь испытующе.

— Так ли?

— Так.

— Буде поедешь на рубеж, оставь нам, по обычаю, крестоцеловальную грамоту.

— Да будет так, великий государь! — низко поклонился Воротынский.

— Иди с Богом! Верши!

Князь вышел. На площади он остановился, помолился на соборы, облегченно вздохнул.

Царь Иван наблюдал за ним в окно. Он весело рассмеялся, когда увидел, как боярин обтирает пот на шее и лице и как заторопился по двору.

<...>

Однажды утром царь Иван в своей государственной рабочей комнате, окна которой выходили к Москве-реке, разбирал вместе с Алексеем Адашевым, осадным головою Щелкаловым, боярскими детьми, дворянами и дьяками Поместного приказа дело о раздаче земель служилым малого чина.

— И буде такожде, — сказал Иван Васильевич, строгим взглядом обеда всех, — незнатный, худородный, коли он в службе способен

и государю полезен, хотя бы и худородный дьяк, и уездный писец, и малый стрелецкий начальник, кто бы он ни был, — сравнен станет окладом земли в равной доле с князем и боярином. Пороухи от того государю не изойдет, а польза великая явится.

Присутствовавший здесь один из любимцев царя, боярин и храбрый воин, прославившийся своими подвигами под Казанью, Алексей Данилович Басманов, почтительно поднявшись с места и поклонившись государю, сказал:

— Великий государь и отец наш, Иван Васильевич! Мудростью воинскою твое царствование, будто солнцем, озарено. Знатность и богатство издревле в чести и холе. Твой глаз государев пронизает не только в верхнее оперение дерева, но и в корни, сидящие в земле и не видимые иному глазу. И потому я, раб твой и слуга, яко многие подданные твои, чувствую и вижу то великое благо, кое несет нашему народу такое верстание... Кому не ведом тяжкий труд губных старост, денно и ночью страждущих о порядке твоём, государевом, царстве? Кто не знает городских прикащиков, берегущих благосостояние воинства на рубежах? То ж самое скажу я и о засеченных прикащиках... Кого не восхищает великий труд и искусство толмачей, — без них же ни порубежное, ни полевое воинство обходиться не может! И многие подобные малые чины, забытые в иное время, ныне твоею царскою мудростью, как обновленные маслом светильники, к службе возгорятся... Кто, кроме мудрого, украшенного любовью к воинству государя, позаботится у нас о малых сих?

Алексей Басманов, уже немолодой человек, держался свободно, смело и смотрел просто, без заискивания в лицо Ивана Васильевича.

Глядя на него, вдруг осмелели и дворяне. Они жаловались на то, что Боярская дума не замечает заслуг многих дворян, ибо она держится обычаев знатности и родословности, а людей меньшего рода не честит.

В этих речах, хотя и осторожных, слышалось все же недовольство боярскими порядками верстания землю служилых людей. Василий Грязной, к тому же, закончил свою речь словами: «Ты, государь, как Бог, и делаешь малого великим. Все от тебя, великий государь!»

Иван Васильевич терпеливо выслушал подобострастные слова созванных им на совет служилых людей. Однако сам он о Боярской думе высказался с большим почтением. Он сказал, что Дума создавалась прежними великими князьями из «стародавних честных родов» и многую пользу принесла прежним великим князьям

и государям. Боярская дума дала государству немало мудрых правителей и храбрых, доблестных воевод, и ныне царю надлежит всякие дела решать «с государева доклада и со всех бояр приговору».

На совете были определены земельные оклады: дьякам, подьячим, губным старостам, городovým приказчикам, ключникам, осадным головам, засечным приказчикам. Больше всех царь назначил оклад толмачам — от ста пятидесяти до тысячи четей⁵.

Тут же царь указал, что такому хорошему толмачу, как переводчик турецкого и «фарсовского»⁶ языков Кучук Устакасимов, мало дать и тысячу четей земли. Иван Васильевич очень хвалил этого толмача.

Составлен был длинный список по земельному верстанию. Царь велел дьяку прочитать его во всеуслышание и затем спросил:

— Ладно ли, добрые молодцы, мы с вами обсудили то дело и не учинили ли обиды какой?

Все, стоя и низко кланяясь, благодарили его за доброе внимание к себе.

После их ухода царь задумался, глядя в окно. По Москве-реке тихо плыла рыбацья лодка. Было тепло и солнечно. Несколько раз в окно влетел с жужжанием шмель. Вот он сел на стол. Царь с улыбкой сильным щелчком сбил его со стола. Оглушенный шмель, просидев несколько мгновений на подоконнике, вдруг расправил крылья и стремглав полетел напрямик к Тайнинской башне.

Проводив его глазами, царь сел в кресло и стал вслух читать записанное дьяком на бумаге.

<...>

Х

В 1508 году хитрый правитель и опытный полководец Ливонии магистр Вальтер фон Плеттенберг заключил с Москвою перемирие на пятьдесят лет. И Москве и Ливонии это было выгодно.

По договору немцы обязались выплачивать Москве ежегодную дань. Плеттенберг признал право России на некоторые земли и города, самовольно отторгнутые у нее Ливонией.

Договор бережно хранился в московском Кремле. Нередко Москва напоминала магистрам о долгах, но немцы не выказывали желания платить долги. Напротив, они всегда и везде старались причинять Москве вред.

Еще в 1539 году епископ дерптский сослал «неведомо куды» немца, пушечного мастера, хотевшего уехать на работу в Москву.

А в 1540 году немец Иоганн Шлитте, оказавший некоторые услуги московскому правительству, был схвачен в Ливонии и посажен в тюрьму. Он вез с собой в Москву, с согласия германского императора, мастеров и ученых, добровольно пожелавших работать в России.

В паспорте, который был выдан императором Карлом V Шлитте, говорилось: «Мы благословили и дозволили упомянутому Иогану Шлитте, по силе этого писания, во всей нашей империи и во всех наших наследственных княжествах, землях и волостях искать и приглашать разных лиц, как то: докторов, магистров всех свободных искусств, литейщиков, мастеров горного дела, золотых дел мастеров, плотников, каменщиков, особенно же умеющих красиво строить церкви, копачей колодцев, бумажных мастеров и лекарей, и заключить с ними условия для поездки к великому князю русскому ни от кого невозбранно, во уважение к просьбам, обращенным к нам и к нашим предшественникам отцом нынешнего великого князя, блаженной памяти великим князем Василием Ивановичем и нынешним великим князем».

Шлитте, однако, два года просидел в немецкой тюрьме, а на его письма германский император выдал эту грамоту «для вида», а втайне одобрял поступок ливонских немцев.

Только одному мастеру удалось вырваться из тюрьмы, да и того ливонцы схватили у самого российского рубежа и отрубили ему голову.

Глубоко огорчало все это в ту пору юного царя Ивана. Но, не желая ссориться с Ливонией, он ласково принял в 1550 году ливонских послов для возобновления истекшего сроком договора о перемирии.

Царь Иван согласился продолжить его еще на пять лет, имея желание за это время проверить твердость слова немцев. На приеме он помянул послам о разорении русских церквей в Ливонии, хотя по прежнему договору было дозволено России иметь их для приезжих русских купцов. Он потребовал, чтобы эти церкви немедленно были восстановлены и чтоб отныне немцы не мешали свободному сношению Москвы с заморскими странами. И почему дерптское епископство, исстари платившее великим князьям дань во Пскове, теперь не платит ее? Царь Иван настаивал, чтобы Дерпт возобновил свои платежи, ибо ливонские власти не должны забывать: Дерпт — русский город Юрьев, а не немецкий.

Послы уехали смущенные, растерянные, не зная, радоваться им или плакать. По приезде домой они передали требования царя

епископу Иодеку фон Рекке. Епископ был родом из Германии — вестфалец. Человек хитрый, ловкий, он сразу понял, что над Ливонией нависает гроза. Фон Рекке выступил с резким осуждением нравов Ордена. А немного спустя, изверившись в исправлении изнеженных, беспечных рыцарей и видя их раздоры, которые постоянно происходили между духовными и светскими властями в Ливонии, тайно заложил епископские владения и уехал обратно в Германию.

Ливонцы говорили:

«Наши деньги пошли в Вестфалию по суку и по воде: там им привольнее, чем дома. Там господа наши построили себе богатые дома, крытые черепицами, а прежде у них в нашей земле были дома, крытые соломой. Вестфалия обогатилась, а Ливония погибла».

Прошло время. Срок и нового договора истек.

В мае 1554 года в Москву опять приехали ливонские послы. В этот раз немцы предлагали заключить с ними мир на пятьдесят лет.

Их принимали глава Посольского приказа Алексей Адашев и дьяк Михайлов. Они напомнили послам о дани, которую не платит Дерпт.

Послы с таким видом, как будто об этом впервые идет речь, спросили:

— За что дань? Ни о какой дани мы ничего не знаем.

Адашев строго, с достоинством сказал:

— Ливонская земля — древняя вотчина великих князей, и немцы должны платить дань. Об этом вы должны знать.

— Ливония никогда не была покорена русскими, — удивленно пожали плечами послы. — Дань можно брать только победителям с побежденных, а известно, что немцы в прежние времена вели большие войны с русскими и мира такого не заключали. Они были независимы от русских, и в прежних мирных условиях никогда и не упоминалось о дани.

Тогда дьяк Михайлов развернул перед ними договор Плеттенберга с Иваном Третьим:

— Вот ваш договор. Здесь вы найдете то, о чем вы забыли. До сих пор государь, по своему долготерпению, ждал, что вы вспомните свои обещания. Но так как вы не хотите платить дань, то отныне государь не станет подписывать мира, пока вы не исполните крестного целования вашего и не выплатите своего долга за все годы, что не платили.

Послы пали духом.

— Мы в старых наших писаниях не находим, чтобы великому князю платилась дань, и просим, чтоб все осталось по-старому, а перемирие продолжалось, — просительным голосом заявили они.

— Чудно вы говорите! — ответил Адашев. — Неужели в ваших немецких старых писаниях ничего нет о том, как ваши праотцы незваны-непрошены пришли из-за моря в Ливонию и заняли эту землю вероломно, силою и много крови славянской пролили? Не желая большего кровопролития, прародители великого государя дозволили немцам на многие века жить в Ливонии, с тем чтобы за то они платили дань. Неужели вам сие неведомо? Предки ваши в своем обещании были неисправны и не делали того, что следовало. Тогда вы должны за них исполнить обещание, а если не дадите охоту, то государь возьмет дань сам, своею силою. Терпению его наступил конец.

Послы испугались, стали божиться, что ничего не знают о дани.

Адашев с укоризной громко сказал:

— Так-то вы помните и соблюдаете то, что сами написали и своими печатями запечатали! Целых сто лет и больше прошло, а вы и не подумали о том и не постарались, чтобы потомки ваши с их детьми жили спокойно! Если же вы теперь все еще упорствуете, то мы вам напомним, что с каждого немца вам надо платить по гривне московской, или по десять денег в год.

Послы просили отсрочки в ответе, пока они не получают указа от своего правительства.

Адашев настаивал на немедленном заключении нового договора. Ливонские послы именно от этого-то и хотели избавиться. Но после решительных слов Адашева и Михайлова согласились.

Царь поручил новгородскому наместнику, князю Дмитрию Палецкому, подписать с ливонскими послами новый договор, не находя для себя достойным подписывать его собственноручно.

Снова возник вопрос о разоренных церквях и о притеснении русских купцов в Ливонии. Выплатой дани договор обязал один Дерпт с его волостью. Епископу надлежало в течение трех лет собрать дань по немецкой гривне со двора за все недоимочные годы и впредь выплачивать условленные деньги постоянно, каждый год. А буде того он не соблюдет, то сам гермейстер ливонский, архиепископ рижский, все епископы и немецкая власть обязаны принять на себя выплату дани.

Русским купцам предоставляется свободная торговля. Русскому человеку разрешалось ездить по какому угодно пути и в любую

сторону сворачивать с дороги. Ливония обязана была пропускать всех едущих к царю и от него иностранцев. Чиновники не должны брать с них никаких пошлин за проезд. Немецким людям московское правительство дозволяло беспрепятственно как въезжать в русскую землю, так и выезжать из нее.

Срок перемирия — пятнадцать лет.

Прошло всего лишь три года, а немцы уже снова дерзко нарушили все пункты договора.

Магистр Вильгельм Фюрстенберг после кратковременной войны с Польшей тайно заключил с королем польским и великим князем литовским Сигизмундом-Августом оборонительный и наступательный договор, направленный против Москвы.

Случилось это в сентябре 1557 года.

Царь Иван сильно разгневался на Ливонию, получив это известие. Вместе с Анастасией он много молился в дворцовой церкви.

— Никто меня в иные времена не посрамлял и не обманывал так, как оные безумцы! — говорил царь жене гневным голосом. — Немцы услаждаются беззаконием, которое закует их навсегда в цепи. С такою душой, что у правителей Ливонии, можно привести в шаткость любое царство и повергнуть в убогость любой народ.

* * *

Стаи галок кружились над куполом Василия Блаженного. В предвечерней синеве застыли длинные розовые гряды облаков, между ними косматые, когтистые, похожие на медвежьи шкуры, темно-бурые куски разорванной тучи. Гроза сошла; прохладнее стало и тише.

На кремлевской стене, близ Фроловской башни, прогуливаются царь Иван и ратман⁷ Нарвы Иоахим Крумгаузен. Его царь сегодня не отпускает от себя ни на минуту, и хотя строго-настрого запретил допускать иноземцев не только на кремлевскую стену, но и близко к стенам, однако этого купца он сам тайно, чтобы никто не увидел царя вдвоем с простым немцем, привел сюда.

Крумгаузен считался крупнейшим негоциантом. Вся Германия знала его, а в торговом городе Любеке он был первым человеком. Немало всего повидал он на своем веку. Долго жил в Москве, воспитывал даже здесь своих детей, точно так же, как и еще один близкий Ивану немецкий гость — Ганс Пеннедос*. Через них Иван при-

* Ганс Пеннедос — вымышленный персонаж. — *Прим. составителей.*

обрел много друзей среди немецких и ганзейских купцов: Георга Либенгауера из Аугсбурга, Германа Биспинга из Монстера, Вейта-Сенга из Нюрнберга, которому покровительствовал сам Альбрехт, герцог баварский: были в связи с Иваном и крупнейшие прусские купцы — Герман Штальбрудер, Николай Пахер* и многие другие.

Здесь, на кремлевской стене, обвеваемой приятным ветерком, врывавшимся между каменных зубцов, Иоахим Крумгаузен, почтительно обернувшись лицом к Ивану Васильевичу и слегка наклоняясь, тихо говорил:

— Великие государи всех стран бывают благодарны вседержителю, когда их народы сближаются торговыми добрыми делами. И, я так думаю, первую помехою тому ныне на Западном море — свейская гордыня, свейские пираты и покровитель оных, сам свейский кениг... а за ними Англия.

Иван пристально посмотрел на Крумгаузена. Лицо нарвского ратмана было печально. Иван остановился.

— Господу Богу угодно испытывать мое терпенье... Много обид видим мы и от немцев. Крымцы, турки, и поляки, и ливонские магистры не радуют нас соседскими добродетелями. Явственные ласкатели на словах, они редко бывают причиной нашей радости. И нет среди них более лживого и коварного соседа, нежели ваши немцы. (Об Англии царь не сказал ни слова, как будто и не слышал упоминания о ней.)

Крумгаузен покачал головой в знак сочувствия.

— Великий государь! Многие убытки понесли от этого несогласия торговые люди немецких земель, желающие жить со всеми в мире, но более всех подвергает нас опасностям в Балтийском море все же английское и свейское соседство. Его величество Фердинанд, немецкий император, не внял роптанию иноземных государей и склонился на сторону любекских купцов, позволил нам ездить в твое государство и возить вам и серу, и железо, и медь, красную и зеленую, и свинец, но...

Царь нахмурился:

— Знаю. И про свейских правителей знаю. И они поживились от нас. Свейского короля Густава я наказал. Не он ли десять лет назад писал архиепископу рижскому, чтоб тот не пропускал в Москву иноземных людей, кои имели охоту послужить нашему государству?

* Георг Либенгауер, Герман Биспинг, Вейт-Сенг, Герман Штальбрудер, Николай Пахер — вымышленные персонажи. — *Прим. составителей.*

Не он ли поднимал Марию Английскую, датского короля, Польшу, Орден и всех латынян против меня? Но Мария написала мне о лиходеястве Густава и прислала мне посланников дружбы. Густав вопил на весь мир, якобы настало время оттеснить наше государство к Уралу. Но я наказал его, отбил в Финляндии наши древние вотчины до Выборга. И послов его с перемирием не принял. Он торговал мясом — пускай с Новгородом имеет дело, с моим воеводой. Недостойно царю с мясником на одну доску становиться. Карелия и Ингрия, то бишь Карельская и Ижорская земли, со всеми прилегающими к оным местам издревле принадлежат нам. То и сами свейские правители не могут отрицать. То же и немцы. В московских летописях издревле значатся города: Сыренск, ныне именуемый Нейшлосом, Юрьев, ныне носящий имя Дерпт, Колывань, именуемый Рувель, наш старый город Костер стал Олденторном, а Ругодив — Нарвой... И не я ли хочу иметь в Нарве свободное купечество? Немцы нам мешают повсеместно.

Царь повысил голос. Крумгаузен стих. Он хорошо запомнил историю с Шлитте. Он знал, что разговор этот неминуемо натолкнется на воспоминание о том печальном происшествии, которое едва ли не главной причиной послужило к разногласиям между Москвою и Ливонией.

Иван взял Крумгаузена под руку, — доставив тем самым немцу величайшую честь, приведшую его в удивление, — и пошел вместе с ним вдоль по стене... На красивом молодом лице царя легли черты глубокой задумчивости. В такие минуты он выглядел старше своих лет. И вообще, как уже заметили многие иностранцы, Иван бывал «неровен до неузнаваемости».

Раздумывая об этом, Крумгаузен не заметил, как царь вдруг отошел от него к одной из крепостных пушек и стал со всех сторон осматривать ее.

— Честь и слава Аристотелю Фрязину⁸, — сказал, поглаживая пушку, Иван, — за совесть деду моему послужил... Кабы мне Бог послал такого! Великим розмыслом и зело нарочитым пушечником был. Честные руки, хотя и иноземец. Мы не охочи быть на поводе у чужеземцев, но от благого не отказываемся.

На лице его появилась улыбка.

— Многое множество иноземцев, ваше царское величество, готовы стать на службу Москве...

Царь пристально посмотрел на Крумгаузена. Видно было, что царь волнуется. Опять он дотронулся своею рукой до руки спутника.

Многие почитают нас, но немногие прямят нам. Про нас болтают за рубежом, будто глаза мы выкалываем иноземным розмыслом, взамен благодарности. Пугают добрых людей, чтобы не ехали к нам...

Немного помолчав, царь продолжал:

— Пришел к нам на подворье молодой беглый... Покаялся и слово принес на своего владыку, на холопа нашего Кольчева. А ныне стал он мастер изрядный. Смышлен и остер. Ловчее многолетнего старца в пушечном деле, познал многие кузнечные и литейные диковины. И знаешь ли, у кого он научился?

Крумгаузен с любопытством спросил:

— Коли то не тайна, поведай, государь.

— У пленного шведа, взятого под Выборгом. Повелел я воеводам того шведа одарить щедро и к вере нашей не нудити, а пушкаря-мастера поставить десятником на Пушечном дворе. Мои враги — либо глупцы, либо воры-изменники. Друзья — разумные и честные, но не смелы, робки... Я помогу им быть смелыми, а они помогут мне побороть врагов. Есть и у нас свои люди, мастера превосходные. Дайте нам срок, а там... Бог не без милости!..

Царь умолк. Лицо его покрылось красными пятнами. Брови зашевелились. Он стал подергивать плечом — признак разгневанности. Остановился в пролете между каменными зубцами стены и стал с силой вдыхать свежий воздух.

Крумгаузен отвернулся, как бы не примечая волнения царя.

— Солнце село, — сказал царь, — пора молиться да ко сну приготовить себя. Побродили мы с тобой вдосталь. Моя воля ведома тебе, образумь ливонских своих земляков, верши задуманное... Московский царь не обойдет достойных. Поезжай домой, кличь купцов... Говори с ними! Слободу для вас построим богатую... За доброе я добром и плачу.

Вернувшись во дворец, Иван Васильевич долго брезгливо мыл руки, проклиная немца, а потом перед иконами молился, прося прощения у Бога за то, что осквернил себя беседою с немецким торгашом, да еще наедине.

* * *

На берегу Яузы, в небольшом бревенчатом домике, обнесенном высоким частоколом, ночью происходил совет. Собрались прибывшие в Москву из Германии и вольных ганзейских городов немецкие купцы. Все сошлись на том, что надо просить императора

Фердинанда образумить Ливонию, спасти ее от гибели. Царь зело гневается на нее. Не мешает склонить императора на союз Москвы с Веной, ибо не пришло еще время войны с царем, а торговые и иные дела дадут немцам знание сей страны и прочную выгоду.

Лица купцов, освещенные колеблющимся пламенем свечи, были озадачены.

Баварец Биспинг писал. Иногда, отрываясь от письма, он с большою горячностью доказывал своим соплеменникам, что много неправды пишут в Европе об Иване Васильевиче. Противники сближения империи с московским царем всегда выставляют как причину — его варварство, упорство, жадность и прочее. Все это далеко от истины.

Немало того и в других странах. И тут же Биспинг заговорил о жестокости английской королевы, которую сам народ назвал Марией Кровавой. Крумгаузен упомянул об испанцах и о римских папах... Под диктовку товарищей Биспинг написал:

«...московский царь — верующий христианин. У него самые благие намерения, и если ему приходится прибегать к жестокости и крутым мерам, то только оттого, что он окружен дурными людьми. Лишь стоит установить с царем дружественные отношения, и от него добьешься многого, чего и ожидать трудно. Всем известно расположение царя к иноземцам. Каспар Эберфельд может подтвердить, что царь намерен просить у герцога Клевского руки его дочери для царевича. Ратман Мюнстера хочет восстать против этого. Боятся вредных для себя от того сближения последствий, — не повредит ли то его торговле. Царь обращается с пленными всегда кротко, очень мягко. Напрасно о том худое болтают в Европе. Пленники-иноземцы расселяются им на мирное жительство по разным городам и не уничтожаются. Им позволяется заниматься торговлею, ремеслами и даже поступать на государеву службу».

Крумгаузен просит добавить к этому:

«...и сожаления достойно, что, вопреки согласию императора, любекские и ливонские власти не допустили до Москвы саксонца Шлитте с мастерами и учениками, выписанными в Москву царем Иваном. Многие из любекских и других купцов и ратманов считают то большою ошибкою. И непонятно, чего ради в продолжение многих лет ливонские, датские и шведские каперы мешают сношениям Москвы с Европой... Но дело еще не потеряно. Император может заключить прочный союз с царем, который всегда к этому стремится».

ся. Что же касается военной силы и денежных средств, то их у московского царя больше, чем у всех немецких князей вместе. А какой прекрасный замок в Москве, какие великолепные каменные дворцы и соборы! И едва ли по величине найдется город, который мог бы сравниться с Москвою...».

Крумгаузен улыбнулся:

— Добавьте: «А русские девицы, кстати сказать, всех превосходят своею красотой и не имеют себе подобных».

Все рассмеялись, и не потому, что Крумгаузен преувеличил красоту русских девиц, а потому, что хорошо знали слабости сидящего хитреца Иоахима.

— Неисправимый гуляка! — укоризненно покачал головой угрюмый Вейт-Сенг.

Сальная свеча догорала. Под окном оживился сверчок. Где-то поблизости сторожа с поспешностью, очнувшись от сна, нестройно ударили в железные доски, вторя бою часов на Фроловской башне.

Письмо кончалось просьбой, обращенной к императору, о снаряжении в Москву посольства с предложением дружбы и военного союза. Говорилось в письме о том, что у Ивана Васильевича завязалась большая дружба с Англией и что этому надо помешать. Нельзя допустить, чтобы образованная в Лондоне «Московская компания» заняла первенствующее место в торговле. «Пускай Англия ведет торговое плавание через Студеное море, а мы будем торговать через Балтийское».

Так заканчивалось письмо.

Свеча погасла, где-то поблизости церквушка звала к заутрене.

* * *

Этою же ночью во дворце царь собрал всех своих любимых дьяков Посольского приказа во главе с Иваном Михайловичем Висковатым и Андреем Яковлевичем Щелкаловым. Дело обсуждалось наиважнейшее, равное объявлению войны Ливонии: царь приказал составить «последнее письмо» ливонскому магистру Вильгельму Фюрстенбергу. После долгих разговоров и горячих, полных негодования речей Ивана Васильевича было составлено следующее письмо:

«...Вильгельм, магистр ливонский, и архиепископ рижский, и епископ дерптский, и другие епископы, и все жители Ливонии! Вы прислали к нам своих послов, знатных мужей Иоанна Бокгорста

и Отто Гротгузена, Вальмера Врангеля* с его спутниками, с повинной головой, чтобы мы помиловали великого магистра и архиепископа дерптского и других епископов и всех жителей Ливонии и приказали бы нашим наместникам в Новгороде и Пскове заключить с ними мир по старине. Но мы приказали нашим наместникам не заключать мира ради вашей несправедливости и хотели искать на вас вашу неправду. Но Иоанн Бокгорст, ваш посол и товарищ, обещал нам, что великий магистр и архиепископ рижский, и епископ дерптский, и все жители Ливонии исправят их неправду, очистят русские церкви и церковные земли, позволят торговать нашим гостям и купцам ливонскими и заморскими всякими товарами, кроме оружия; что епископ дерптский соберет дани и все оставшееся неуплаченным за все прошедшие годы, с каждого человека по немецкой марке, и пришлет нам эту дань в три года мира. И что впредь епископ будет выдавать беспрекословно нам эту дань и без всяких стеснений будет пропускать из-за моря из всех земель людей, желающих поступить к нам на службу. И что вы ни в каком деле ничем не будете помогать королю польскому или великому князю литовскому, о чем ясно написано в перемирной грамоте. Наши наместники в Великом Новгороде и Пскове целовали крест на перемирной грамоте, приложили к ней свои печати для нашего посла Терпигорева, для того, чтобы этой грамоте вы справедливо решили все дела с нами и нашими наместниками, как написано в грамоте. Но до сего часа вы не уладили еще ни одного из всех дел ни с нами, ни с нашими наместниками. И мы, чтобы не проливать христианской крови, часто наминали вам письмами, чтобы во всех делах вы честно исполняли перемирную грамоту, оставили бы ваши несправедливые и лживые речи и признали бы свою вину, чтобы не проливалась невинная кровь. Но вы не обратили внимания на наше помилование, и нашу охранную грамоту вы взяли только затем, чтобы затянуть дело. Так как вы ни во что ставите божеские законы и всякую правду и, несмотря на крестное целование, пренебрегли нашей милостью, то, ради справедливости нашей, мы намерены призвать на помощь всемогущего Бога и отплатить вам за ваши неправды и нарушение крестного целования, насколько нам поможет всемогущий Господь. Мы,

* Иоанн (Иоган) Бокгорст, Отто Гротгузен — послы великого магистра Ливонского ордена Генриха фон Галена к Ивану Грозному в 1554 году. Вальмер Врангель — посол дерптского епископа Германа к Ивану Грозному в 1554 году. — *Прим. составителей.*

христианский государь, не радуемся пролитию невинной крови — ни христианской, ни неверной. Пролитая кровь будет пролита не ради нашей, но вашей неправды, знайте это! Поэтому теперь, ради вашей неправды, мы покажем вам нашу великую власть. Этого моего слугу, которого я посылаю вам, вы, по перемирной грамоте, не задерживайте, а отправляйте его назад. Писано нашим величеством, при нашем дворе, в городе Москве, в ноябре 1557 г.»

* * *

В приходе Максима Исповедника, что у Варварского съезда на «аглицком дворе», напряженно склонившись над бумагами, сидело несколько длинноволосых английских купцов. Постигали русский язык. Трудно давалась наука. Самое легкое слово, которое быстро усваивалось: «М-о-с-к-о-у-в-а». Его они повторяли десятки раз с блаженной улыбкой. Сэр Томас Грин, сам удивившись на себя, как-то сразу выпалил фразу: «У Москау многа ле-сса!..» И неистово после того закашлялся. Его товарищи думали, что он подавился, постукали его по спине. Обливаясь потом, подданные королевы Марии изо всех сил тужились выговорить необходимые им русские слова, но напрасно метался язык во рту, — и зубы мешали и горло оказывалось ненужным. Трудно! А нужно. Ведь в этой отдаленной от Англии стране можно многим попользоваться. Страна богатая и обширная. Зевать не годится!

Увы! Немцы начали окружать царя! Многие из ганзейских и иных немецких купцов прекрасно говорят по-русски. Хитрущие! И когда только успели? Верные люди передавали, что склонить они хотят императора Фердинанда... на союз с Москвой! Русский язык весьма большую пользу оказал им. Даже с самим царем Иваном Васильевичем ведут они беседы без толмачей. Не обидно ли членам лондонской «Московской компании», «открывшей Московию»?!

На стене, под стеклом в золотой раме, чернела писанная ломаными извилистыми буквами с хвостами продолговатая царская грамота. Только одну ее наизусть пока и выучили торговые люди; в ней говорилось:

«Мы даруем полную волю и право производить всякого рода торговлю свободно и покойно, без всякого стеснения, препятствия, пошлин, налогов, стеснительных форм и прочее».

Она давала англичанам право вольно жить и ездить для торгова повсеместно, где они пожелают, заводить лавочную торговлю

в гостиных дворах, строить дома, нанимать русских людей к себе в работники, брать с них крестоцеловальную запись в добром выполнении работы, наказывать их, увольнять при нарушении клятвы и брать на работу других людей.

Много всяких иных привилегий дано царем английским купцам. Только из-за того, чтобы самому, своими глазами, прочитать грамоту о царских милостях, и то стоит научиться русскому языку! А ведь задумано большое дело: объехать все города и богатые торговые села в России, договориться с тамошними купцами. Выгода предвидится большая!

Пока дела идут так себе, ничего. Студеное (Белое) море принимает в свои воды только английские корабли. Весь северный край знает английских торговых людей. Льды Северного океана вовсе не так страшны для того, кто хочет выгоды для себя. Правда, доблестный мореплаватель сэр Уиллоуби так и не доплыл до Двины — замерз со своими спутниками близ берегов Лапландии, но ведь он был первый... Старший кормчий плаванья Ричард Ченслер, поплывший в Московию вслед за ним, уже оказался счастливее. Одоление морей и океанов не достигается без жертв. И купец, так же как и воин, покоря неизведанные страны, всегда должен быть готов погибнуть за свое дело. Так самим Господом Богом устроено. Только дикарь этого не понимает, а просвещенный купец давно уразумел это, а потому и цели своей добивается.

Именитый лондонский торговый человек Ричард Грей по дороге в Москву тоже застрял, но только в селе Холмогорах, и по другой причине: весьма соблазнила его вологодская пенька. Таких канатов, какие производят русские мужики в Холмогорах из этой самой пеньки, в Англии и не видывали. Раньше Англия получала канаты из Данцига, теперь будет получать из Холмогор. Эти лучше немецких. Ричард Грей уже начал строить канатную фабрику на берегу Северной Двины, с милостивого согласия царя Ивана Васильевича. Нельзя же сырую пеньку возить в Англию, — это обошлось бы дорого и места на кораблях пенька заняла бы много. Ричард Грей с приятелями рассудил, что выгоднее построить канатную фабрику в Холмогорах и возить в Англию готовые канаты, нежели заваливать корабли пенькой. Ричард Грей не ошибся.

О севере России английский купец не беспокоится. Связь налажена, британский купец там прочно засел, но... не перехитрили бы немецкие купцы англичан где-либо в другом месте. Это тревожит. Не прозевать бы где своей выгоды!

Вот ведь поди ж ты! Немцы уже научились говорить по-русски: Иоахим Крумгаузен по-московски говорит не хуже, чем по-немецки. И потом... Прибалтика! Что-то уж много немцев понаехало в Нарву и Ивангород! Не дай Бог, коли они захватят торговлю новгородскую и псковскую!

— То... маш-ш-ш... ний пфтица! — наклонившись над писанной каракулями бумагой, с хмурым упрямством твердил скорняк, рыжий Аллард. — Гу-усть! Гу-усть!

Он зажал уши, чтобы не слышать разговоров своих соседей. Его мечта — скупить в России целые корабли домашней птицы, разных зверей, особенно бобров... Надо знать название каждой птицы, каждой зверюги. Задача немалая!

Товарищам угрюмого бородача Георга Киллингворта* казалось, что он их долбит молотком по голове, так звучал его басистый голос, с усилием сотню раз повторявший: «Ваше царское величество!» (Во время приема во дворце царь обратил внимание на его пышную громадную бороду и тихонько шепнул о том митрополиту Макарию, который сказал: «Божий дар!»)

К вечеру в избу вбежал старшина английского торгового посольства в Москве Дженкинсон. Он был взволнован. Скороговоркой сообщил он своим землякам, что только сейчас в Кремле на стене Крумгаузен целый час беседовал о чем-то с царем Иваном Васильевичем. Ни одного иностранца царь не допускает на кремлевскую стену, а тут сам пригласил. Разговор был тайный, и, конечно, не обошлось без того, чтобы Крумгаузен не наговорил чего-нибудь на англичан.

Что делать? Каким образом отеснить немцев от царя Ивана Васильевича? Ведь они хотят поссорить Россию с Англией. Давняя их мечта.

Вокруг этого вопроса разгорелись споры. Кто говорил, что надо усилить надзор на Балтийском море, уведомив Англию о том. Пускай пошлют к берегам Скандинавии и Ютландии, а также и в Балтику побольше вооруженных кораблей, которые бы топили немецкие разбойничьи суда, идущие в Россию. Другие советовали натравить на немцев польских и шведских пиратов. Это будет удобнее и дешевле. Третьи советовали подкупать ближайших вельмож царя, с тем чтобы они отговорили его от войны с Ливонией, которая,

* Георг (Георгий) Киллингворт — английский купец, организовавший в 1557 году ввоз английского сукна в Московское государство. — *Прим. составителей.*

по-видимому, должна непременно произойти. Не лучше ли царю развить мореплавание по северному морскому пути, проложенному уже из Англии в Россию? Ведь это же его мысль, его, царя Ивана Васильевича! Не он ли так радовался прибытию первого английского короля в бухту святого Николая⁹? Конечно, Балтийское море... путь короче... лучше... но...немецкие пираты!..

Дженкинсон с возмущением высказывался о ганзейских купцах, которые еще не оставили мысли быть первыми торговцами в России; немало они мешали Англии, немало теснили Швецию, но все же они лезут, не сдаются. Вот и Крумгаузен — не кто иной, как агент Ганзы¹⁰. Надо этому положить конец. Ни Москве, ни Англии пользы от немцев нечего ждать.

Поздно ночью разошлись английские торговые люди по домам, поклявшись друг другу не выпускать из своих рук превосходства в торговых делах с Россией.

* * *

Иван Васильевич разговорился с Анастасией о торговле с иноземцами.

— Можно ли почесть друзьями немецких купцов? — задумчиво произнес он, сидя в кресле около расположившейся на покой Анастасии. — Они превозносят мои добродетели превыше истины. Они лицемерно закрывают глаза на мою немощь, на мои окаянства... Они лгут, ради своей выгоды, там, где, по-Божьему, следовало бы говорить правду обо мне. Хитрецы и лицемеры! Стало быть, мы понадобились им. Не верю я им! Что ты скажешь, государыня?

Анастасия, облокотившись на руку, приподнялась на подушке. Лицо ее выражало тревогу.

— Веру свою не умыслили бы нам немцы вчинить? — вопросительно глядя на царя, произнесла она.

Царь рассмеялся.

— Веру мы не покупаем и не торгуем ею, но то правда, что купцы заморские меняют королей, меняют веру, меняют рабов на лошадей и собак, и, пожалуй, кто-нибудь знатно разбогател бы, сменив нашу веру в государстве на латынскую али на лютерскую. Папские люди уже пытались, да токмо более пытаться не будут. Я хорошо плачу иноземцам, ратным людям, они служат мне, а коли вздумаю ума-лить лепту мою, — они продадут свой меч иным государям... и будут поносить меня. Сегодня славил, завтра отрекутся от того, ради

хулы и клеветы. Изгнанники — купцы и послы — уехали за рубеж, великую небылицу возводят на меня, но ничего не пишут о себе, како ползали они, ради выгод своих, у моих ног.

— Гони их! Не надо нам таких! — разгрозившись от гнева, сердито сказала Анастасия.

— Не можно так! — покачал головою Иван, тяжело вздохнув. — Ричард Ченслер помог мне в дружбе с королевой аглицкой. Яким Крумгаузен — ратман Нарвы, купеческий вожак; в ином деле многие другие аломанские купцы — лгуны и лицемеры, но без них захиреет любой владыка. Они мочны свести меня с императором более, нежели ангелы мира.

Иван поднялся, стал ходить из угла в угол царицыной опочивальни. Анастасия знает, что царь не прочь сблизиться с Карлом и что боится этого сближения. Она много раз видела мужа — то в бешенстве проклинающего немцев и расхваливающего англичан, то все же отдающего преимущество немецким купцам и ругающего англичан.

Лицо Ивана стало сумрачным.

— Все пригоже делать ко времени, а царям надлежит все делать только вовремя... Хлоп проспит лишнее, ему — плевать, а государь коли проспит, — сделает несчастным все царство, особливо имея таких соседей, как немецкие рыцари!..

Анастасию клонило ко сну. Царь заметил это. Подошел к ней, нежно погладил большою рукой ее голову.

— Спи. Не стану докучать тебе. А все же нам с немцами воевать надо. Не обойтись без того.

Иван крепко поцеловал жену и ушел в свои покои.

Там он развернул на столе карту Ливонии, присланную ему одним купцом из Голландии, и в глубоком раздумье склонился над ней.

<...>

